

УДК 81'42 + 81'373.4 + 070.1

Л. В. Енина

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье предлагается новый подход к исследованию коллективной идентичности, базирующийся на теории дискурса. На материале текстов интервью с политиками выявляются дискурсивные практики идентификации политических субъектов по логике различия. Представленный анализ дает возможность «вскрыть» объяснительные модели достижения социальной гармонии, бытующие в современном медиадискурсе. Исследование относится к дискурсивно-стилистической проблематике изучения языка СМИ.

Ключевые слова: язык СМИ, идентичность, идентификация, дискурсивные практики.

В данной работе идентичность рассматривается как дискурсивный феномен, при этом дискурс понимается в русле развития концепции М. Фуко и его последователей: дискурс есть совокупность социально обусловленных практик организации коммуникации и текстов, выстроенных с помощью этих практик. Принципиальное отличие фуконианского подхода к дискурсу от когнитивного понимания дискурса заключается в том, что «правила формации имеют место не в ментальности или сознании индивида, а в самом дискурсе. Следовательно, они навязываются в соответствии с неким видом анонимной единообразности всем индивидуумам, которые пытаются говорить в этом поле» [17, 63]. В русле этого подхода идентичность выступает функцией дискурса, а не элементом личностного или коллективного сознания. «Скорее, субъективные психологические реальности конституируются посредством дискурса, определяемого как ситуативное использование языка или использование языка в повседневных текстах и речи» [16, 175]. Это означает, что человек, когда говорит, идентифицирует себя с тем или иным типом идентичности, предлагаемым дискурсом в готовом виде. В таком случае идентичность субъекта есть следствие его идентификации в текущий момент речи: идентичность «непосредственно связана с актуальной практикой, в процессе которой происходит неосознаваемое отождествление с другим агентом, с собственной позицией в социальном пространстве» [9, 53; см. также: 13; 14; 19]. Понимая идентичность как дискурсивный феномен, приходится признать, что процесс идентификации осуществляется любым речевым поступком говорящего. «Каждый речевой поступок перформативен в широком смысле: он предполагает выраженность “Я” говорящего и его отношения к партнеру по общению в каждом производимом речевом действии» [3, 149]. В таком случае единицей

ЕНИНА Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького (E-mail: enina.lidia@gmail.com).

© Енина Л. В., 2010

анализа дискурсивной идентичности является речевой поступок, понимаемый как идентификация в текущий момент.

Исследовательский интерес представляют бытующие в современном российском политическом дискурсе практики идентификации политического субъекта. Политический субъект понимается как субъект, имеющий определенный символический капитал в политическом пространстве. К таковым может быть отнесен как субъект, представляющий официальную власть, так и субъект, представляющий оппозиционную политическую силу или общественную организацию.

Н. Б. Слободяник, описывая механизм конструирования идентичности в политическом дискурсе, говорит о таком способе идентификации, как идентификации по логике различия: конструирование идентичности «мы» через описание «их» [14, 62]. Эта мысль опирается на современную теорию политического дискурса, предложенную Ш. Муфф и Э. Лакло. Так, Ш. Муфф утверждает: «Идентичности – это результат процессов идентификации, и они никогда не могут быть установлены полностью. Мы никогда не имеем дела с противопоставлениями “мы/они”, выражающими эссенциалистские идентичности, существующие до процесса идентификации. Более того, я уже говорила, что “они” представляют собой условие возможности “нас”, “конститутивную изнанку”. Это означает, что конституирование особых “нас” всегда зависит от типа “их”, от которых оно отличается. Это действительно принципиально важно, потому что это дает нам возможность представить различные типы отношений между “мы” и “они”, по отношению к тому, как создается понятие определенного и понятие “они”» [10; см. также: 11]. Для описания отношений между политическими субъектами по логике различия мы будем пользоваться выражением «политические оппоненты». Выбор в пользу этого выражения связан с тем, что необходимо подчеркнуть общее символическое пространство, в котором действуют политические субъекты. Политический оппонент «служит условием артикуляции позитивных значений “своих”, типичных в своих ролевых или статусных определениях» [5, 14], он выполняет функцию указания изнутри на культурные границы «мы-группы».

Целью нашего исследования является выявление дискурсивных практик идентификации политического субъекта по логике различия. Под дискурсивной практикой идентификации мы будем понимать экспликацию установления отношений различия между политическими субъектами в речевом поступке говорящего.

Анализ дискурсивных практик выполняется на материале устной публичной речи, поскольку устная речь ярче, чем письменная, демонстрирует спонтанное воспроизводство дискурсивных практик идентификации. В качестве материала послужили интервью с политиками, вышедшие в прямом эфире на радиостанциях «Маяк», «Радио России», «Русская служба новостей», «Эхо Москвы» и телеканале «1 канал»¹. Из текстов интервью мы отобрали фрагменты речи, содержа-

¹ Часть текстов была расшифрована автором статьи (для письменной передачи устной речи применялась методика, предложенная в книге «Живая речь уральского города» [7]), также использовались тексты, расшифровка которых предоставлена на официальных сайтах радиостанций и каналов и сделана в соответствии с традиционной записью письменной речи. С точки зрения норм культуры речи материал не анализируется, речевые погрешности в цитируемых фрагментах не отмечаются.

щие указание на политических субъектов, не входящих в круг *своих*: учитывался контекст и формальные лексические указатели (имя собственное персонального или коллективного политического субъекта). Далее в этом фрагменте определялся предмет различия² между политическими оппонентами, затем с помощью семантического анализа *предмета* выявлялось основание для установления различия. Определив предмет и основание различия, мы получаем «ключ» к позитивной идентификации *своих*. Для анализа дискурсивной практики идентификации не имеет значения, кто ее воспроизводит – выявляются надындивидуальные смыслы, при этом в тексте сохраняется указание на авторскую принадлежность цитаты.

Отдельно отметим, что журналисты стремятся, чтобы гость программы четко заявил о своих ценностных предпочтениях, идеологической позиции, поэтому журналисты прямо формулируют вопросы, связанные с политическими позициями интервьюируемых, открыто поднимают тему многопартийности и различия политических программ, т. е. в публичном дискурсе эта тема актуальна и востребованна.

Анализ дискурсивных практик идентификации по логике различия с политическим оппонентом показал, что наиболее частотной воспроизводимой практикой является практика идентификации на основании морально-этических различий с политическим оппонентом.

Предметом для морально-этического различия выступает *цель принятия политического решения*. Политический оппонент конструируется как ищущий благо для себя, а не для общества: *Дело в том, что мы не считаем возможным сегодня рассматривать те инициативы, которые идут от депутатов «Единой России», поскольку, мне кажется, сегодня это решение несколько конъюнктурно. Оно связано с тем, что 2007 год непростой год, он прежде всего год выборов* (Александр Бабаков. Радио Маяк. 24.01.2007). В данном контексте слово *конъюнктурно* имеет негативно-оценочную коннотацию, которая присутствует в оттенке переносного значения слова «конъюнктурный» – из соображений того, что удобно, выгодно в настоящий момент [15, 362]. Отказ от публичного одобрения или критики предложений политического оппонента объясняется тем, что его предложения мотивированы предполагаемой выгодой в будущем. Идентификация МЫ – ‘выдвигаем политические инициативы исходя из блага общества, а не из собственной выгоды’.

Идентификация себя как этического субъекта в политическом пространстве имеет глубокую историю, еще Аристотель говорил о политической деятельности как реализации преимущественно этических целей [1; см. также: 12; 18 и др.].

В качестве политического оппонента, различие с которым проходит в морально-этической плоскости, не всегда выступает конкретный политический оппонент, нередко в оппозиции оказывается обобщенный деятель – *чиновник*, которому придается значение самостоятельного политического субъекта: *Вот дачная амнистия / классический пример / казалось бы совершенно очевидное благо сде-*

² Предмет различия – признак или качество субъекта, выступающее причиной различия между субъектами.

лал парламент / да / разрешил / людям / по факту узаконить уже существующую у них собственность / тут же вмешался чиновник и говорит / хорошо / сколько у тебя? Шесть соток ты хочешь узаконить? // давай вернем кадастровую оценку / это будет стоить тебе пятьдесят тыщ рублей / да и / бедный гражданин прослезился / и ругает теперь и нас / он говорит (нрзбр) хотя у нас ничего про этот / про эту стоимость не написано (Олег Морозов. Радио России. Персона грата. 10.07.2009). Предметом для морально-этического различия с чиновником является забота о людях. Политический оппонент чиновник конструируется как препятствующий парламенту в заботе о людях. Идентификация МЫ – ‘заботимся о гражданах’.

Морально-этическое различие между политическими оппонентами часто основано на предмете личностная характеристика политического оппонента: Я считаю, что в перспективе это неизбежно (объединение партии «Справедливая Россия» с КПРФ. – Л. Е.). В то же время я реалист и прекрасно понимаю, что при нынешнем руководителе Коммунистической партии РФ Геннадии Зюганове это невозможно в принципе. А вообще, исходя из общих задач левых партий в нашей стране, я уверен, что такое объединение, только обязательно под знаменами социал-демократии, в исторической перспективе неизбежно (Сергей Миронов. Познер. 01.02.2010). Хотя в речи отсутствуют эксплицитные оценочные единицы, отрицательно оценочный смысл появляется благодаря противопоставлению временных планов: в перспективе неизбежно – при нынешнем руководителе невозможно. Руководитель КПРФ в силу каких-то своих личных качеств отделяется от идеологической платформы партии. Предмет различия: отношение к руководителю КПРФ. Идентификация МЫ – ‘готовы объединиться с КПРФ, когда руководить партией будет не Г. Зюганов’.

Личностная характеристика как предмет для морально-этических различий между политическими оппонентами присутствует в сравнениях и метафорах, содержащих негативные оценочные смыслы.

Например, отзыв Е. Лукьяновой о выступлении лидера партии «Яблоко» на встрече с Президентом США Бараком Обамой: Ну, Митрохин – вот он настолько не харизматично и никак говорил... Обычно он визжит, верещит, кричит, а тут как... Это было такое бледное выступление, сам он был какой-то бледный и даже немножко поношенный какой-то... Ну, честное слово! Ну вот на этой встрече. Я к нему хорошо отношусь (Эхо Москвы. В круге «Света». 07.07.2009.). Идентификация МЫ – ‘харизматичны, ярки’.

В. Новодворская о Президенте РФ Д. А. Медведеве: Заметьте, что о Медведеве мы уже не говорим – мы не будем играть в эту игру «Президент Медведев». Это марионетка, он на это пошел и пусть он это хлебает большой ложкой (Эхо Москвы. Особое мнение. 10.07.2009.) Идентификация МЫ – ‘самостоятельны, независимы’.

Г. Зюганов о министрах правительства РФ: Ну, вам открыто / я последний раз Путину сказал / с такими министрами, как Кудрин, Фурсенко, Сердюков те кто занимаются наукой / производством / вы никогда не вылезете, это двоечники (Зюганов. Радио России. От первого лица. 08.07.2009). Идентификация МЫ – ‘профессионалы’.

Яркой иллюстрацией идентификации по логике различия по морально-этическому основанию служат слова Андрея Исаева, члена партии «Единая Россия»: *Заявление Миронова о том, что он больше не поддерживает Владимира Путина, является, с моей точки зрения, его личным моральным крахом. ... Сейчас, когда Миронов считает, что возник кризис, и что, как ему кажется, зашаталась ситуация, он, как крыса, пытается бежать с корабля. Он, правда, забыл, что корабль не тонет. И в этом смысле его надежды достаточно напрасны* (Эхо Москвы. Разворот. 03.02.2010). Предмет различия – *отношение к В. Путину*. Устанавливается причинно-следственная связь: несовпадение политических позиций говорит о низких морально-этических принципах, которых придерживается политический оппонент. Идентификация МЫ – ‘поддерживаем В. Путина, следовательно, имеем высокие морально-этические принципы’.

Известно, что для большевистской риторики были привычны инвективы: по отношению к своим оппонентам часто использовалась «грубо образная речь, в которой вульгарные инвективы занимали значительный объем» [6, 144]. Употребление инвектив в современном публичном пространстве сдерживается возможностью защиты в суде чести и достоинства юридического и физического лица [см., например: 2].

Следующие по частотности дискурсивные практики идентификации по логике различия между политическими оппонентами устанавливаются на правовой основе. Правовое основание для идентификации по сравнению с морально-этическим основанием конструирует политического оппонента как отступающего от правовых норм, а не просто как морально ущербного.

Уже наелись революций. Поэтому главный механизм – мы, может быть, звучим немножко наивно, что мы хотим с помощью общественного мнения заставить власть исполнить конституционное свое обязательство главное и провести свободные выборы, но тем не менее это единственный путь. Единственный конституционно нормальный путь (Михаил Касьянов. Эхо Москвы. В круге СВЕТА. 30.06.2009). По логике различия конструируется обобщенный политический оппонент *власть*, предметом различия выступает *соблюдение конституции, выполнение обязательств*. Обязательство – 1. Официально данное обещание, обычно в письменной форме, требующее безусловного выполнения [15, 552]. Идентификация МЫ – ‘соблюдающие закон и требующие соблюдения закона от власти’.

Власть как конструируемый политический оппонент присутствует и в идентификациях, в которых не употребляются прямые номинации власти, например: *Вы понимаете, если есть реальная политическая конкуренция, выборы невыдуманные и реальная борьба, то тогда можно контролировать количество чиновников. Потому что, условно говоря, решение о том, сколько чиновников принимается не одним лицом, грубо говоря, и не вертикально, а это некое горизонтальное решение разных организаций. Грубо говоря, мэр захотел расширить аппарат, ему совет местный говорит: нет, нельзя, мы не разрешаем. Поднимается этот вопрос, мы не разрешаем, свободное телевидение показывает это, ставим мэра в неудобное положение. А мэр знает, что через год у него выборы кон-*

курентные, у него два реальных кандидата. Два реальных кандидата начинают шуметь, что повышается количество чиновников и ситуация более-менее балансируется. Сейчас это не балансируется никак, потому что мэр назначается сверху, с верхним начальником он договорился, а с нижними ему договариваться не надо, пресса ему не нужна, депутаты ему не нужны, поэтому набрать он может ровно столько, чтобы начальник верхний был доволен. Вот и все. Вертикаль, понимаете (Алексей Митрофанов. Русская служба новостей. Титаны общества. 08.07.2009).

Маркеры, указывающие на власть как субъекта, конструируемого по логике различия, содержатся в неопределенно-личной конструкции: *Сейчас это не балансируется никак, потому что мэр назначается сверху* в сочетании с намеком в финальном высказывании: *вертикаль, понимаете*, который указывает на политическую стратегию президента В. Путина (2000–2008) построить в России *вертикаль власти*. Предмет различия: *гражданские и политические процедуры, контролирующие действия представителей власти*. Идентификация политического субъекта МЫ – ‘поддерживаем необходимость правовых (гражданских и политических) процедур контроля за действиями представителей власти’.

Также при анализе материала была выявлена дискурсивная практика идеологической идентификации политического оппонента. Понятие «идеология» употребляется в узком значении системы взглядов, которую артикулируют профессиональные политики. Поскольку демократическая политическая система способна эффективно работать лишь на конкурентном политическом рынке, предполагается, что политические партии создаются на определенной идеологической платформе. «Процесс политической “демократизации” представляется сильно связанным с автономизацией политического поля и с его возрастающей внутренней дифференциацией, то есть с появлением и развитием под-полей» [20, 32]. Следствием идеологической дифференциации политического пространства становится развитие практик идентификации по логике различия, основанием которых выступает идеологическая позиция политического оппонента.

Приведем для анализа следующий диалогический фрагмент. Вопрос был задан об отношении интервьюируемого к группе «Солидарность» как оппозиционной политической организации: *Ну, у них есть своя стратегия борьбы. Они выбрали свою тактику и свою стратегию. Они полагают, что путем публичных акций, митингов, демонстраций и других вещей они изменят политическую систему в России. У них есть своя политическая программа, которую, наверное, вы не читали, но я-то ее читал. ... Я ее читал очень внимательно. Я считаю, что они имеют право на свою точку зрения. Но у меня другая.*

Вопрос: *То есть вы не разделяете?*

Ответ: *Нет, не разделяю ни тактику, ни программные установки. Я не разделяю, потому что думаю, что нашей стране нужна другая политика. Иная. И думаю, что ту политику, которую они хотят реализовать, не поддерживают. Но это их право* (Григорий Явлинский. Познер. 19.04.2010).

Предмет различия политических оппонентов – *политическая программа, стратегия и тактика политической борьбы*. Идентификация МЫ – ‘предлагаем

другую политическую программу'. Идентификация по различию идеологических позиций в данном случае остается в политическом пространстве, не уходит в этическую сторону. Отношение к политическому оппоненту толерантное.

Дискурсивная практика идентификации по идеологическому различию может сопровождаться оценочными смыслами: *Говорить о том, что мы, и лично я, во всем поддерживаем Владимира Путина, это уже устаревшая информация. Между прочим, в немалой степени у нас возникают противоречия в связи с тем, что Владимир Владимирович Путин возглавил оппозиционную для нас и неприемлемую по идеологии с каким-то сомнительным консерватизмом партию «Единая Россия»* (Сергей Миронов. Познер. 1.02.2010). Предмет различия – *отношение к идеологии партии «Единая Россия»*. Идентификация МЫ – ‘предлагаем другую идеологию’.

В условиях демократической политической деятельности идеальная цель политического субъекта – обеспечить счастье всех граждан, и он посредством своих речевых поступков утверждает некую возможность достижения социальной гармонии [4; 8]. Представленный анализ дискурсивных практик идентификации политического субъекта «вскрывает» объяснительные модели достижения социальной гармонии, бытующие в современном медиадискурсе. В российском публичном пространстве мы выявили три основные объяснительные модели – социальная гармония может быть достигнута благодаря: 1) морально-этическим качествам, присущим политическим субъектам; 2) соблюдению законов политическими субъектами; 3) установлению системы взглядов, пропагандируемых политическим субъектом. Перечень выявленных дискурсивных практик идентификации по логике различия не является исчерпанным.

-
1. *Аристотель*. Политика // Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4.
 2. *Баранов А. Н.* Лингвистическая экспертиза текста. М., 2007.
 3. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2005.
 4. *Бурдые П.* Социология и демократия // Поэтика и политика. СПб., 1999.
 5. *Гудков Л.* Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции // Образ врага / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. М., 2005.
 6. *Жельвис В. И.* Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры / под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург, 1999.
 7. Живая речь уральского города: тексты. Екатеринбург, 1995.
 8. *Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. М., 1999.
 9. *Козлова Н.* Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
 10. *Муфф Ш.* Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений. URL: <http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/mouffe1/-25.05.2009>
 11. *Муфф Ш.* К агонистической модели демократии // Логос. 2004. № 2 (42).
 12. *Рикер П.* Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.
 13. *Сандомирская И.* Книга о Родине: опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.
 14. *Слободяник Н. Б.* Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муфф) // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22).

15. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008.
16. *Филлипс Л., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008.
17. *Фуко М.* Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
18. *Фуко М.* История сексуальности—III: Забота о себе. Киев, 1998.
19. *Чепкина Э. В.* Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995–2000). Екатеринбург, 2000.
20. *Шампань П.* Делать мнение: новая политическая игра. М., 1997.

Статья поступила в редакцию 11.07.2010 г.

УДК 159.922.4

О. В. Ванновская

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В РОССИИ

Статья посвящена анализу историко-психологических предпосылок коррупционного поведения государственных служащих в России. Феномен коррупции рассматривается в контексте факторов социокультурной жизни. Коррупционное поведение рассматривается в иерархии базовых ценностей. Проводится анализ положения чиновника в России, начиная с древнейших времен и до настоящего времени. Выделены историко-психологические предпосылки коррупционного поведения чиновников в России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коррупция, коррупционное поведение, культурная парадигма, российская ментальность, ценности, взяточничество, злоупотребление властью.

Обращение психологов к проблеме коррупции является закономерной реакцией на вызовы времени. Для того чтобы изучить и осмыслить феномен коррупции в контексте человеческой природы, необходимо установить определённые границы анализа и рассматривать коррупцию с позиций социокультурных условий и факторов, т. е. с точки зрения культурной парадигмы.

Понятие «культурная парадигма» [1] отражает потребность в актуализации той части реальности, в которой витают общие существенные для эпохи идеи, ценности, отражающие некое смысловое единство культуры на конкретном отрезке времени. Феномен коррупции реально существует только в контексте факторов социокультурной жизни, поскольку культура – это и есть система смыслов,

ВАННОВСКАЯ Ольга Васильевна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психологии личности ЧОУ ВПО Санкт-Петербургского института психологии и акмеологии (E-mail: vannovskaya@mail.ru).